

Литературное обозрение

ГРАНИ ХАРАКТЕРА

Редко встретишь теперь столь популярное некогда выражение: «величественный храм науки». Как-то не соответствует этот статичный образ сегодняшним представлениям о все расширяющихся границах знаний.

Не найдется, пожалуй, такой области человеческой деятельности, которая существовала и развивалась бы автономно от науки.

Отсюда и растущий интерес литературы к делам и помыслам тех, кто двигает науку вперед. Поиск науки не может не отразиться и на творческом поиске художника, пишущего об ученых. Еще одно свидетельство тому — романы «Самшитовый лес» Михаила Анчарова и «Победитель» Руслана Киреева.

Разговор о «Самшитовом лесе», вероятно, правильнее будет начать с завершающих его глав. В финале автор предложит читателю ключ к правильному пониманию романа: «...Во всем, что вы прочли, не ищите логику протокола, а только логику песни». Что ж, посыл ясен: песня куда больше подчинена эмоциональному строю, нежели строгой сюжетной логике... Здесь же мы найдем истолкование аллегорического образа, который заявлен в названии и занимает центральное место в структуре повествования: «Мы — народ. Мы живем медленно и вечно. Как самшитовый лес». Наконец, и эпиграф мы обнаружим на последней странице.

Роману М. Анчарова присущ элемент игры, условности. Он начинается и заканчивается сообщением о том, что герой произведения Сапожников покупает петуха. Зачем? «Будит он нас, будит тысячи лет... А мы все не просыпаемся».

Конечно, следует понимать это признание расширительно.

Сапожников, о чем бы ни говорил, по сути всегда рассуждает об одном — природе и сущности творчества.

Способ повествования, который избрал писатель, — разорванность действия, смещение эпизодов во времени, прием «романа в романе», элементы фантастики, парадоксальность суждений и научных гипотез — лучше всякого петуха будит читательское воображение и ассоциативное мышление. В романе есть и возврат к временам Атлантиды, и остроумное доказательство ее существования, и эпизоды Великой Отечественной войны, и отрывки из научно-фантастического рассказа, который пишет Сапожников, и любовные перипетии. Автор стремится запечатлеть вечное движение человеческой мысли и вечную новизну открытий мира.

Именно таким первооткрывателем выступает герой. По профессии он наладчик — из тех, которые «обслуживают весь белый свет»: если что где «барахлит» по электрической части, какая-нибудь новинка трещит, устройство, механизм, система — обращаются к ним, кто-нибудь едет и налаживает. Но по призванию он — мыслитель и изобретатель. Придумывает вечный двигатель, открывает основную форму движения материи, свой способ лечения страшной болезни...

О романе много спорят и читатели, и критики — на страницах газет и журналов, на читательских конференциях, в аудиториях вузов и научных институтов. Люди, делающие нынче, как принято говорить, научно-техническую революцию, с особой заинтересованностью отнеслись к необычным идеям-гипотезам романа, к образу Сапожникова — по сути их коллеги. Мнения их, в общем, едино: в этом обра-

зе читатель обнаруживает раздумья автора о самых сокровенных тайниках духовной работы человека творческого, да и сама работа выступает здесь как самостоятельный — хотя и весьма специфический — герой произведения. Главная — на взгляд участников таких обсуждений — идея романа состоит в утверждении прямой зависимости итогов творчества любого ученого от его нравственной позиции.

Схожие с Сапожниковым образы встречались в нашей литературе. Вспомним хотя бы «Обыкновенного гения» В. Шейфера. Такой же «обыкновенный гений» и Сапожников. Он способен «выдавать» грандиозные идеи, но осуществить их не умеет. «Потому что у Сапожникова характер был не пробивной...» Он «жил и дождался, пока заметят...» Как все гениальные люди, он со странностями. Письмо, например, себе пишет. Очень похоже на записки Приска, жителя древнего Пантикапея, обнаруженные случайно при строительстве дороги: «Я, Сапожников, сын Сапожникова...»

Пафос романа — в попытке осмыслить дель вынешний в свете опыта истории. Письмо Сапожникова прямо перекликается с записками Приска. Вероятно, судьба Приска, по мысли автора, должна объяснить и дополнять жизнь Сапожникова. Часто, однако, эта перекличка прерывается. О том, как погиб целый народ, расскажет Приск, свидетель и летописец крушения тельной войны. А война, которая на всю жизнь лишила Сапожникова безмятежных снов, в его воспоминаниях предстает непроясненным, скомканным фрагментом. Где-то стороной проходят образы тех, с кем он бок о бок воевал и кто погиб в бою.

Избранная М. Анчаровым

форма повествования избавляет от необходимости перечислять второстепенные, мелкие детали, способные утяжелить и без того сложное построение вещи. Но в перетаковке эпизодов нередко теряется различие между главным и второстепенным.

В подобных случаях неприужденность, которой добивается писатель, оборачивается задачей, следованием схеме. При «укрупненном» несфокусированном взгляде теряются в существенные подробности биографии героя. «Белым пятном» остается для читателя его первая женитьба. История Приска и Кайи никак не «пропеируется» и на любовь Сапожникова и Викки. Объяснение, которое дает их женитьбе Нюра Дунаева: «Сроки исполнились...», — возможно, и удовлетворит фатально верящего в судьбу изобретателя, но, думается, читатель захочет большей психологической мотивированности столь серьезных решения. Воображением подобных авторских недомолвок не восполнить. Без четкой прописанности ключевых моментов провисают и другие сюжетные линии, теряется связь между ними.

В отличие от разбросанной, непоследовательной, как характер Сапожникова, манеры М. Анчарова проза Р. Киреева, под стать его герою, энергична и подтянута. Повествование М. Анчарова тяготеет к фантастике, гротеску, притчевой многомерности, у Р. Киреева акцент смещен в сторону предельно субъективированного мировосприятия. Перед нами по сути подробно зафиксированный самоанализ наблюдательного, ироничного человека. Повествование ведется как бы в двух курсах: герой наблюдает за собой, автор изучает героя. Поток мыслей и чувств эконо-

миста Рябова становится процессом постижения определенного человеческого типа.

«Победитель» назвал свой роман Р. Киреев. Но с кем или с чем единоборствует Рябов? И побеждает ли?

На протяжении тех двух дней, что описаны в романе, Рябов борется с собой: не дает воли чувствам, гасит и порывы благородного гнева, и приливы нежности, и приступы сострадания. Благодаря такому уменью властвовать собой ему удается выстроить безупречную, с его точки зрения, линию поведения, которая позволяет, не тратя сил на лишние, ненужные «тренинги», целиком отдаться науке. «Ты вообще не намерен принимать чью бы то ни было сторону: не дело ученого барахтаться в склочной луже». Он ровен и благожелателен в отношениях со всеми — в теми, кто симпатичен, и кто неприятен. Даже когда директор института Панюшкин подбивает Рябова на очевидную подлость, тот остается невозмутимо спокоен и корректен. Нет, от участия в постыдном деле он уклоняется и своего учителя, свою «крестную мать» профессора Штакая не подводит. Но в подобном контексте молчание — не есть ли знак согласия, примирения с существованием Панюшкина в стенах института? И не свидетельствует ли это молчание о том, что равнодушные Панюшкина перекинулось на Рябова? Он ведь порой с чисто панюшкинской беззащитностью может подумать о себе: «На таких, как ты, держится мир — без вас человечество превратится в стадо».

Мы встречаем похожего холодно-расчетливого администратора от науки и в «Самшитовом лесе». Это — Глеб, которого автор наделил странной болезнью: все полезные

микробы покидают его организм. Но портрет Глеба плоско-одномерен, в то время как Р. Киреев идет в глубь образа. Для того и дает он герою возможность самораскрыться, излить душу, чтобы на самом деле и сам Рябов, и все мы увидели червоточинку неудовлетворенности, даже страдания за свою холодную отъединенность от окружающих людей — на работе и дома. Нам открывается уязвимость претензий Рябова на лидерство, потому что его тактика — промолчать, выждать, а уж время само расставит все по местам, справедливо восторгается, — оборачивается на деле «молчаливством», соглашательством.

Всю информацию о происходящем мы получаем от Рябова, видим людей и мир его глазами, фактически вынуждены верить ему на слово.

Жаль, что в произведении у него нет достойного оппонента. Такой герой намечен в образе Александра, по всей видимости, не приемлющего рябовской мимикрии. Но, увы, фигура эта так и не обрела ранга Личности. Диалога не состоялось.

Романы «Самшитовый лес» и «Победитель» написаны в разной форме, основаны на различном жизненном материале. И все же в этих произведениях много общего. Запечатленный в них социализированный нравственный срез «древа познания» свидетельствует о том, что благородная миссия служения людям требует от ученого не только полной самоотдачи в труде, но подразаумевает в нем человека активной гражданской позиции, сознающего свою ответственность перед временем, обществом, самим собой.

А. ЯХОНТОВ.

Яхонтов А. Грани характера: Лит. обозрение: О романах "Самшитовый лес" М. Анчарова и "Победители" Р. Киреева // Правда. -- 1980. -- 27 июня.

ЯХОНТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (р. 5.05.1951)

По материалам справочника:

Сергей Чупринин. Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник в двух томах. Том 1. — МОСКВА, ВАГРИУС 2003.

Род. в Москве. Окончил ф-т журналистики МГУ (1973). Был членом КПСС (с 1980). Работал в редакции «ЛГ» (1973—88), редактировал сатирич. ж-л «Клюква» и газ. для богатых «Капитал», заведовал отделом культуры в газ. «Московский комсомолец», был членом редколлегии и зав. отделом ж-ла «Обозреватель» (1994—96).

Автор кн. прозы: Кардиограмма при свечах. М., 1978; Плюс-минус десять дней. Повести и рассказы. М., 1980; Дождик в крапинку. Повесть. М., 1984; Вынужденная остановка. Рассказы. М., 1984; Ловцы троллейбусов. М., «Сов. писатель», 1986; Зимнее марево. Повести. Рассказы. М., «Московский рабочий», 1987; Учебник жизни для дураков. М., «Самоцвет», 1996; Коллекционер жизни. М., «Самоцвет», 1996, 1997; И эту дуру я любил. М., «Самоцвет», 1997; Койка. М., «МИК», 1998; Бывшее сердце. Роман. Повесть. Рассказы. М., «МИК», 2001. Оpubл. пьесы: Мир без китов («Театр», 1987, № 8); И эту дуру я любил; Койка; Так живет элита («Наша улица», 2001, № 4). Печатался как прозаик в ж-лах: «Огонек» (1990, № 6), «Обозреватель» (1994, № 10), «Наша улица» (2000, № 1). Произведения Я. выходили отдельными изданиями в Австрии, Германии, Словении.

Член СП СССР (1981), Рус. ПЕН-центра. Член обществ. редсовета газ. «Домашнее чтение».

Премии Московского комсомола (1982), «Золотой еж» (Болгария), «Алеко Константинов» (Болгария; 1988, 1999), медаль им. Кирилла и Мефодия Нац. лит. центра Братиславы (1998), «Золотой теленок» (2001).